

ИСПОВЕДЬ ЭКСКУРСОВОДА

Если бы мне лет 30, да даже 20 назад предсказали, что я буду водить экскурсии по своему маленькому городку, я не покрутил бы пальцем у виска, но отнёсся бы к этому с невероятным сомнением.

А вдруг взяло да и случилось! Москва и Санкт-Петербург хоть и были в моей жизни, но растаяли как мираж. То есть города-то остались, а вот моё желание вырваться из Елабуги и жить именно в Москве, которую я посещал на пути к бабушке в Калужскую область, равно как и появившееся позже страстное желание жить именно в городе на Неве с его сыростью, туманами и домами-колодцами как раз и пропало. Сказать, что растаяло, словно мираж — это слишком просто. Даже вроде как-то примитивно. За этим таянием миража лежит нечто большее, чем простая романтика или дикое желание «В Москву!»: там боль, там потери, разочарование и философские размышления над тем, что всё-таки, может, то именно и верно, что где родился, там и пригодился. Но и тут не всё верно, ибо тогда мне вообще надо вернуться в Магадан на свою историческую родину...

Сошлись там звёзды или рассыпались, как десяток кеглей в боулинге при первом же страйке, но я родился не там, где родился, и не в белокаменной с её Красной площадью, и уж тем более не в городе белых ночей, а в прикамской Елабуге, которую застал ещё до её 200-летия. Застал запущенную, мало кому интересную, с несколько непривычным и даже странным разделением на «город» (верхняя часть с её пятиэтажками) и на «деревню» (соответственно, нижняя часть), а ещё с будоражащими тогда, в начале 1980-х годов, лично моё воображение урбанонимами «Угол дураков» и «Китайская стена». Сегодня эти и другие урбанонимы, «Шанхай», к примеру, или «Пентагон» уже не вызывают во мне тех ярких эмоций, что прежде, и связано это с тем, что я уже могу рассказать, пояснить, почему эти городские объекты так именуют. А тогда — не мог! К тому же эта информация порой оказывается не менее, а, пожалуй, более интересна, чем ФИО известных людей, чьи судьбы тесно переплетены с Елабугой.

И вот я в автобусе с туристами. Их может быть 10–16, а может быть и 40–45: всё зависит от невероятно очевидной вещи — от того, какой это автобус. И вот они сидят, они приехали в город, где «Их всегда ждут!» и теперь надо их, видавших-повидавших если не все, то очень многое, познакомить с Елабугой. Я не ставлю перед собой цель влюбить туристов в мой город — я просто знакомлю их с домами, улицами, памятниками, людьми. Но перво-наперво я, конечно же, поприветствую наших гостей, поинтересуюсь, из каких они городов. То есть мне любопытно, откуда они родом, где

живут и где, если уж на то пошло, пригодились. Так начинается моя игра «Судеб связующая нить», суть которой очень проста: найти и желательно максимально ярко продемонстрировать связь тех городов, из которых прибыли мои туристы, с Елабугой. Ну, тут вообще никаких заковырок нет с Магаданом, Ленинградом-Санкт-Петербургом (лучше избегать слова «Питер», общаясь с коренными жителями Северной Венеции), с Москвой. Без труда свяжу свою Елабугу с их Алуштой, Казанью, Кировом, Можгой, Пермью, Волгоградом, Екатеринбург, Челябинском, Берлином, Америкой (в первую очередь с Сан-Франциско)... А потом мы едем от музея к музею, причём в каждом из музеев я, как и почти все наши экскурсоводы, отдыхаю, то есть почти молчу, давая возможность хозяевам на местах самим познакомиться со своим богатством тех, кого я к ним привёл. И вот по прошествии трёх-шести часов утомлённый турист покидает Елабугу. Бывает и так, что осознаёт — не забыть ему теперь этот город никогда. Как поют в пырьевской музыкальной комедии 1941 года дуэтом Марина Ладынина и Владимир Зельдин:

*И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в...*

И те редкие моменты, когда действительно оказывается, что ни город, ни тебя не забыли — это моменты невероятно вкусного коктейля, в котором в равных пропорциях смешаны радость и гордость. Эти моменты дают о себе знать весьма своеобразно: в сентябре 2013 года Рафаэль Айдаров из Перми, узнав от меня, что в Перми есть улица Елабужская, нашёл эту маленькую улицу и сделал, и прислал мне несколько фотографий. А вот сделать фотографии картины Ивана Шишкина «Танайский лес близ Елабуги», что в Пермской картинной галерее, ему не разрешили (невероятно приятно, что он это пытался сделать для меня). Но что не получилось у него, то получилось у другой пермячки — Кузнецовой Светланы Михайловны, которая в том же 2013 году сфотографировала для меня эту шишкинскую картину. В 2015 году Владимир из Нижнего Новгорода прислал мне фотографию парохода «Елабуга», которую нижегородец увидел в альбоме «Нижний Новгород и нижегородцы в старинных фотографиях» (местное издательство «Кварц», 2012 г.) и прислал мне. Все бы ничего, но я знакомил Владимира с Елабугой в 2010 году, а фото он для меня подготовил спустя 5 лет. А вот 26 апреля, в день рождения Тукая, ещё один сюрприз, как эхо из 2010 года. Тогда в одной из групп (москвичи и петербуржцы) меня спросили, а смогу ли я найти связь между Парижем и Елабугой. Отшучиваясь, что, дескать, недалеко от нас на реке Вятка стоит город Мамадыш, правда не Вятской (как у нас) губернии, а Казанской, а в этом городе в ходу шутка-прибаутка — «В Мамадыш через Париж», а от нас до Мамадыша всего-то километров 40, я вспомнил первый трансконтинентальный автопробег по маршруту Пекин-Париж — в мае 1907 года несколько автомобилей этого пробега заехали и в Елабугу. И вспомнив, что наша кавалерист-девица лихо воевала с французами в Отечественную войну 1812 года, я ещё припомнил французского барона Жозефа де Бая. Рассказывая о том, как де Бай связан с Елабугой, я поведал (очень коротенько) о том, как в Москве в книжном магазине на Новом Арбате в отделе антикварной книги я увидел в продаже увесистый том в кожаном переплёте, цена которого была без преувеличения с пятью нулями, а на обложке из кожи было вытеснено, знакомое мне имя Le Baron de Baye. К гадалке не ходи — купить эту книгу я не мог. Да и сегодня, наверное, она мне не по карману. Но полистать-то

можно! Спросил — разрешили. И увидел я в той книге фотографию, где этот самый парижский барон сидит в карете-гарантасе чуть ли не в обнимку с одним из наших знаменитых в прошлом купцов Ушковых. Фотоаппарата с собой, а тем паче смартфона у меня тогда не было, а стало быть, что глаза увидели, то и запомнил.

Вот что я тогда рассказал своим туристам, один из которых — москвич Николай — спустя столько лет вспомнил о Елабуге и обо мне, и том моём монологе про фото парижанина Де Бая с нашим Ушковым, и нашёл и прислал мне это фото. Вот такая она — память о Елабуге!

Р. С. Про французского археолога барона Жозефа де Бая я как-нибудь ещё напишу.

ЩЕПЕТИЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Я один из тех многих, кто в Елабуге живя, если и не многим обязан, то уж точно за многое благодарен Наталье Александровне Вердеревской, ушедшей от нас в конце марта этого года. В середине 1990-х годов я стал студентом историко-филологического факультета Елабужского государственного педагогического института. В 1996 году на елабужском рынке у продавцов аудиокассет с записями популярных исполнителей из динамиков звучал и очередной хит Евгения Осина «Студентка-практикантка». Не многие знают, что в основе этой песни лежит городской фольклор, доработку которого для Евгения Осина, а точнее для проекта «Женя Осин», построенного на багаже песен 1970-х годов, осуществил А. Алексеев (я, кстати, так и не разобрался кто именно из двух братьев-музыкантов Алексеевых — Александр или Алексей — причастны к «Практикантке», но это в данном случае не суть как важно). Не так важно и то, что песня «Студентка-практикантка» появилась в 1976 году в репертуаре ВИА «Самоцветы», с которой (я имею в виду песню) вариант Евгения Осина схож примерно так же, как схожи меж собой река Тойма и Кама, что близ Елабуги. В общем, ключевое в моём повествовании на данном этапе то, что в основе «Студентки-практикантки» лежит городской фольклор. Об этом я, кстати, узнал от Натальи Александровны Вердеревской, но как это произошло — об этом чуть позже.

Итак, в самой середине 1990-х годов фольклор нам, студентам, читала Вердеревская. Я помню, как она впервые вошла в нашу группу в аудиторию № 43: тихо и неспешно. Села за стол и опять-таки тихо начала свой рассказ. Нет, она не читала нам лекцию, она именно рассказывала. Её манера подачи материала меня заинтересовала и одновременно заинтриговала. Лет через 10 после ЕГПИ я по-особому оценил, например, такой приём общения, со студентами, когда она давала для прочтения вслух совершенно незнакомый текст. Мне лично тогда досталась повесть о Бове Королевиче: ох и напортачил я тогда при чтении вслух данного мне фрагмента! Сотни раз я вспоминал (и вспоминаю) следующее её правило, которое она очень чётко перед нами обозначила: «Как бы вы здесь не учились, какие бы оценки не получали и как бы успешно или не успешно не сдавали зачёты и экзамены, принцип самообразования никто никогда не отменял». Когда мы ещё в мои студенческие годы общались один на один, Наталья Александровна часто говорила простую фразу: «Читай. Много читай! И обязательно прочитанное обсуждай с кем-нибудь». Тогда же я узнал, что в роду у Натальи Александровны есть дворяне; узнал, что её отец — Александр Дмитриевич Вердеревский — был репрессирован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г., как враг народа (реабилитирован в 1957 г.). Эти «нюансы» нами особо не обсуждались, но в моём роду по линии матери было нечто похожее. Но всё-таки к теме репрессий мы с Натальей Вердеревской в 2008 году подошли ох как плотно: Елабужский государственный музей-заповедник (ЕГМЗ) готовил к печати её книгу «Мы дети тридцать седьмого» а я выступал в этой работе одним из редакторов и дизайнеров издания.

Тема — безусловно большая, но совместная работа позволила мне кое-что из истории своего рода рассказать Наталье Александровне. А то, что тема ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ, я особенно понял через год после выхода этой книги, когда, оказавшись по рабочим вопросам в Самаре, посетил областной историко-краеведческий музей имени Петра Алабина. В этом музее в экспозиции «Операция „Большой террор“» я увидел фотографию председателя ульяновского горсовета Александра Дмитриевича Вердеревского, которого весной 1938 г. и расстреляли в Куйбышеве (кто не знает, но именно так называлась Самара с 1935 по 1991 гг.) вместе с членами куйбышевского обкома. Я тогда сделал несколько фото той карточки в витрине на свой фотоаппарат, но так и не решился показать эти снимки Наталье Александровне.

В 2011 году нас с Натальей Вердеревской вновь свела нос к носу совместная работа над книгой «Из-под кустика, из-под камешка», в которую вошли старинные русские народные песни, записанные в 1960–80-х годах в Елабужском и Менделеевском районах Татарии. В этом проекте я выступил как один из редакторов и предложил для обложки взять фрагмент картины Бориса Кустодиева «Деревенский праздник (Осенний сельский праздник)». Вот тут уж мы вдоволь набалаболились на тему фольклора! Вспомнили и Бову Королевича, и сборник Кирши Данилова, но особый акцент был сделан на частушках. Вот тут уж я позволил себе полюбопытствовать и получить всё-таки ответ на вопрос, который меня начал волновать лишь после того, как я пришёл работать в ЕГМЗ и стал достаточно часто пересекаться с Натальей Вердеревской, которая очень трепетно относилась к библиотеке Серебряного века. К слову, отмечу, что эта любовь была взаимной.

Вопрос же был таким: «Почему Вы тогда покраснели?». Тут, конечно же, читателю надобно кое-что разъяснить. Не скажу, что с удовольствием, но я это сделаю. Итак, когда в те, казалось бы, далёкие лихие 90-е, мы вышли на фольклорную практику, Наталья Александровна дала мне так сказать «особое задание». «А ты, Андрей, — сказала она мне — собери мужской фольклор. Частушки запиши». Тут мне понадобилось уточнить, правильно ли я понял, что мне надобно будет сделать акцент на той части частушек, где используется ненормативная лексика, или, попросту говоря, мат. Такое интересное и, признаюсь, несколько щепетильное предложение, Наталья Александровна объяснила так: «Ты постарше всех будешь, поэтому отнесёшься именно к теме более серьёзно».

Я и отнёсся серьёзно. И собрал. Именно собрал и записал, а не переписал из какой-нибудь фольклорной книги. Тогда ещё даже в нашем дворе единственного в Елабуге кооперативного дома мужики, стуча костяшками домино, бывало и частушки выдавали, а не только анекдоты. Нередко это сдабривалось водочкой или самогоном. Всего-то надо было набраться наглости и подсесть к игрокам, взяв предварительно с собой не только тетрадь да ручку-карандаш, но «пузырь», как тогда говорили — напитки позволяли бы раскрыться талантам мужиков-частушечников. Иных записывающих устройств в моём распоряжении тогда не было, а тащить с собой катушечный магнитофон «Яуза-207» не хотелось. В общем, как бы то ни было, но у себя во дворе я записал всего три частушки. Ещё несколько частушек с подачи моих друзей записал у их дедушек да бабушек. И вот тут нарисовалась проблемка, для решения которой я отправился к Наталье Вердеревской. Суть моего обращения к руководителю фольклорной практики была проста: «В том, что я записал, столько неприличных слов, что я не знаю как мне их записать — буква в букву, или первой буквой с многоточием!?!». Наталью Александровну устроил вариант с первой буквой и точками, но, когда я принёс ей свои записи, она несколько раз то и дело спрашивала меня: «А это что за слово? А здесь?». В общем, опуская эти нюансы, скажу, что всё-таки она мне разрешила написать все слова именно так, как я их услышал.

И вот он — первый день после практики, когда мы (не все конечно, но те, кто справился с поставленной задачей) сдали свои тетради с записями. Неважно, кто, как и что записал, мне было теперь, сидя в аудитории, где сорок с лишним студентов, особо интересно наблюдать за Натальей Александровной, которая, просматривая сданные нами тетради, зачитывала вслух тот фольклор, что ей показался интересен. И вот в руки она взяла мою тетрадь, фамилию озвучила «Андрей Иванов». И наступила гробовая тишина, потому что все знали, что я записывал мужской фольклор. А хотелось узнать всем!

Я стал пристально смотреть на лицо моего учителя и, ёшкин кот, лицо сверху вниз стало буквально на моих глазах краснеть. Не как помидор, но всё-таки. Из всего, что я перенёс из дворов и с улицы в тетрадь, она прочитала тогда вслух только две частушки, даже скорее не прочитала, а в свойственной ей манере исполнила. Это был 1996 год, а в 2011-м я вернулся к этому событию через обозначенный выше вопрос: «Почему Вы тогда всё-таки покраснели?». Ответ был таким (почти дословно): «Я конечно много разных частушек с крепким словом слышала, но таких елабужских на тот момент ещё не приходилось, а учитывая то, что читала я их впервые, то я и не справилась со смущением». Вот такая щепетильная история, которая, кстати (чуть не забыл) началась именно с песни Евгения Осина «Студентка-практикантка», которую Наталья Александровна знала в пяти вариантах.

Ну а вошли мои частушки в какой-никакой фольклорный сборник, или нет, я не знаю. Не знала этого и Наталья Вердеревская, но она сказала, что отправила их куда-то. Может, ещё и встречу свои частушки. А может и Вы, уважаемый читатель, встретите. Их легко будет узнать, уверяю вас. По знакомым словам, «Елабуга» или «Танайский лес».

Р. С. По понятным причинам (цензура, знаете ли) собранные мной частушки, из коих я чётко помню лишь три (но остальные при желании могу восстановить), я в этом материале использовать не могу.

